

УДК 811.511.131'28

**ВЫРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ШАЛУН» В ДИАЛЕКТАХ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

**EXPRESSION OF THE CONCEPT «NAUGHTY PERSON»
IN THE DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE**

С. А. Максимов

S. A. Maksimov

*ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук», г. Ижевск*

Аннотация. В диалектах удмуртского языка выявлено более десяти лексем, передающих понятие «шалун». Абсолютное большинство из них являются иноязычными словами, большая часть из которых относится к татаризмам, также выявлены болгарское, чувашское, коми-пермяцкое и русское заимствования. Многие из этимологий приводятся впервые. На основе этимологии и анализа лингвистической карты делается реконструкция истории возникновения в удмуртских диалектах слов, выражающих исследуемое понятие.

Abstract. In the Udmurt dialects there have been found more than ten lexical units that represent the concept «naughty person». The vast majority of them are foreign words, and the greater part of them belongs to the Tatar loanwords, there have also been identified Bulgarian, Chuvash, Komi-Perm and Russian loanwords. Many of the etymologies are given for the first time. Basing on the analysis of linguistic maps as well as the analysis of the origin of words, the author reconstructs the history of occurrence of these words in the Udmurt dialects.

Ключевые слова: *удмуртские диалекты, выражение понятия «шалун», ареальный аспект, этимологический аспект, татарские заимствования, болгаризм, чувашизм, коми заимствование.*

Keywords: *Udmurt dialects, expression of the concept «naughty person», areal aspect, etymological aspect, Tatar loanwords, Bulgar loanwords, Chuvash loanwords, Komi loanwords.*

Актуальность исследуемой проблемы. Исследование слов, выражающих понятие «шалун» в удмуртском языке, проводится впервые. Их этимологизация дает новые данные как для истории самого языка, так и для истории его носителей. Применение лингвогеографического метода позволяет более точно раскрыть происхождение слов, в частности, разграничить чувашские заимствования и болгарские, болгарские и татарские, коми заимствования и древнюю исконную лексику. Актуальность данного исследования, с другой стороны, продиктована тем, что удмуртский язык является одним из быстро исчезающих языков России: молодое поколение не знает или плохо знает язык, а старшее поколение постепенно уходит, безвозвратно унося с собой все языковое богатство, берущее начало в глубине веков и тысячелетий.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили лексические данные, собранные в полевых условиях автором, а также сотрудниками лаборатории лингвистического картографирования и исторической лексикологии Удмуртского государственного университета. В необходимых случаях привлечены лексикографические источники. В ходе исследования применялся метод лингвогеографического описания, а также метод этимологического анализа.

Результаты исследований и их обсуждение. В академических словарях исследуемому понятию дается следующее толкование: *шалун* – тот, кто шалит (преимущественно о детях); *шалить* – баловаться, резвиться, заниматься шалостями; в свою очередь, *шалость* – шутливая проделка, проказа [9, 923].

В диалектах удмуртского языка выявлено более десяти лексем, передающих понятие ‘шалун’. В нашем исследовании эти лексемы подлежали картографированию, и им дано подробное описание. В ходе полевых исследований были записаны также такие ответы информантов, которые являются близкими к понятию «шалун», но не совсем его раскрывают. Последняя группа слов не нашла отражения на карте, но дана отдельным списком в настоящей работе.

1. Шалун. Данная лексема зафиксирована в косинском говоре нижнечепецкого диалекта северного наречия (см. оп. 6, 8, 9 на прилагаемой карте), а также в двух группах населенных пунктов, расположенных в ареале срединных говоров: 12–14 – Кильмезском районе Кировской области и 99, 100 – Воткинском районе Удмуртской Республики. По происхождению является поздним проникновением из русского языка.

2. Н’уштэм.

Территориальное распространение. Употребляется в среднечепецком диалекте, в частности в глазовском (24–26, 28–31, 35) и балезинском (27, 32, 33, 37) говорах, и имеет негативную коннотацию. Для сравнения можно привести его производное *н’уштэмйас’кънь* ‘кривляться, гримасничать; вести себя вызывающе’. Данное слово постепенно вытесняется лексемой *шёрччи* (*шёрччь*), являющейся нейтральной или выражающей позитивное отношение к ребенку. В речи информантов оно может произноситься со звонким (или полувзвонким) *ж* вместо глухого *ш* – *н’ужтэм*.

Наличие в письменных источниках: сев. *нюжтэм* ‘шалун’ [3, 200]; сев. *нюжтэм* ‘шалун (о детях); невыдержанный, ведущий себя вызывающе (о взрослых)’ [13, 213].

Происхождение. В этимологическом словаре коми языка [8, 188] северноудмуртское слово *нюжтэм* сравнивается с кп. *нештӧм* ‘некрасивый, непривлекательный, отвратительный; безобразный вид, уродство’, *нештӧмасьны* ‘расквакаться; кривляться, гримасничать’, кя. *н’ужтӧм*, *н’уштӧм* ‘некрасивый’, кя. *н’уштӧм* ‘некрасивый, безобразный’, и считается, что они одного происхождения с коми-зырянскими *неджъявны* ‘высматривать, выглядывать, оглядывать, осматривать’, лет. *недж* ‘по (такому-то образцу, способу, примеру; согласно, в соответствии с чем-л.)’, которые возводят к общепермскому **n’oʃ* или **n’oʃ* ‘продольный, направленный, расставленный в ряд, вдоль чего-л.; упорядоченный; размеченный; ладный; дельный’; кроме того, под вопросом приводят ненецкое соответствие [8, 188], [5, 273], [6, 156], [17, 23], [3, 200], [13, 213], [7, 55].

Из приведенных примеров видно, что их основа в чистом виде употребляется только в коми-зырянских говорах и, безусловно, некогда функционировала и в пермяц-

ких диалектах, но мы не можем быть полностью уверены в ее общепермском происхождении, хотя наблюдаем закономерное соответствие гласных – наличие удмуртского гласного *у* в первом слоге может быть растолковано и иным образом (см. ниже). Изоглосса *нештѳм* ~ *нюжтэм* имеет гораздо меньшее распространение, встречаясь лишь в северной диалектной зоне удмуртского языка и в коми-пермяцком языке. Не исключено, что исследуемое слово в удмуртский язык попало из коми-пермяцкого языка. Замена гласного *о* на *у* в корне могла произойти под влиянием удмуртского наречно-образительного слова *нюж*: *нюж кыскыны* ‘волочить, тянуть волоком (юзом)’, *нюж ветлыны* ‘ползать; пресмыкаться; угодничать’ [14, 477], на что указывает, в частности, тенденция произносить звонкий гласный *ж* вместо ожидаемого *ш*.

В отношении семантики следует сказать, что если основа слова имела значение ‘продольный, расставленный в ряд; упорядоченный; ладный и т. п.’, то каритивный суффикс *-тэм* ~ *-тѳм* придал слову противоположную семантику, т. е. ‘беспорядочный; сумбурный; неладный’, из чего развились его современные значения.

3. *Л'акыттэм.*

Территориальное распространение. Данное слово записано в оп. 58 (Лонки-Ворцы) Игринского района, а также в Шарканском районе (75, 78, 80).

Происхождение. Образовано от слов *л'акыт* ‘вежливый; скромный’ с помощью каритивного суффикса *-тэм*, указывающего на отсутствие понятия, выражаемого основой слова. В свою очередь диахронически в слове *л'акыт* могут быть вычленены суффикс *-ыт* и корень *л'ак-*, который, возможно, возник как образительное слово, первоначально служившее для описания аккуратно сложенных или плотно расположенных один к другому предметов: ср. *лякыны* ‘(при)клеить’. Для сравнения можно привести следующую пару слов: *лач* ‘скромно; спокойно, тихо’ и *лачмыт* ‘аккуратный; выдержанный; скромный; спокойный, тихий; точный, пунктуальный’. Основа *лач-*, без сомнения, возникла как дескриптивно-ономатопозитическое слово.

4. *Шѳрччи.*

Территориальное распространение. В общих чертах ареал данного слова охватывает ниже- и среднечепецкий диалекты северного наречия, бесермянское наречие, а также зятцинский говор среднезападного диалекта.

Варианты слова. Собственно форма *шѳрччи* употребляется в балезинском говоре среднечепецкого диалекта (27, 32–34, 37) и в опорных пунктах 38, 39, относящихся к кезскому говору верхнечепецкого диалекта, а также в зятцинском говоре среднезападного диалекта (53, 56, 57), непосредственно граничащем с северным наречием. В слободском говоре нижнечепецкого диалекта (1–3), а также в части ярского (19, 20) и глазовского говоров (24, 35, 50–52) функционирует форма с конечным *ы* – *шѳрччы*, для большей части глазовского (24–26, 28–31) и юкаменского говоров (47, 48) характерны модификации с открытыми и отодвинутыми вариантами *ы* – *шѳрччъ*, *шѳрччы*. В косинском говоре нижнечепецкого диалекта (6, 8, 9) и в южной половине ярского говора (21–23) записана форма *шѳрчы*, в которой произошло опрощение консонантной группы: *рчч > рч*. Варианты с одной аффрикатой также характерны для бесермянского наречия: *шѳрчи* – для лекминско-леминского говора (45, 46, 49, Юкаменский район) и *шѳрчи* – для юндинского говора (36, Балезинский район).

Происхождение. Этимология данного слова не выявлена. Не исключено, что имеет связь с чувашскими словами *шѳрчѳк*, *шѳрччан* ‘вспыльчивый, нервный, раздражительный’, *шѳрчак* ‘строптивый, упрямый’, *шѳрчах* ‘капризный, придиричивый, кани-

тельный' [16, 613], [2, 342]. В основе приведенных слов лежит лексема *шйрт* 'гнев, злость, ярость', которая является результатом семантического развития слова *шйрт* 'щетина' (ср. *шйртлан* 'щетиниться; сердиться, рассориться'); оно имеет соответствия в других тюркских языках, а также в монгольском [15, т. 2, 449–450].

Семантическое различие исследуемого удмуртского слова и чувашских слов не является неопределимым. Но поскольку у удмуртского слова *шйрччи* основными в первую очередь являются значения 'отважный, храбрый; бойкий, расторопный', то не исключено прямое семантическое развитие их от семы 'гнев, злость, ярость'. Для сравнения можно упомянуть удмуртское (общепермское) слово *лек* 'злой', которое в среднечепецком диалекте также имеет значения 'бойкий; быстрый, резвый, расторопный; крепкий'.

В болгарских заимствованиях в удмуртском языке, как правило, чувашскому *ӓ* соответствует удмуртское *у*, но в данном случае мы имеем дело не с болгаризмом, а с поздним чувашизмом, и если в языке-источнике современный чувашский *ӓ*, по видимому, был близок к гласному *у*, то в диалекте чувашей, обитавших на Чепце, гласный *ӓ* по качеству уже напоминал аналогичный гласный в современном чувашском литературном языке, т. е. неогубленный гласный средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема, который в удмуртской диалектологии обозначается графемой *ь*. Носители ы-диалектов этот гласный обычно воспринимают как звук *ӓ* (неогубленный гласный среднего ряда среднего подъема).

Согласно словарю Н. И. Ашмарина, в чувашском языке слово *шйрччах* используется для обозначения человека, а более ребенка, который быстро обижается [2, 344]. В удмуртском языке для передачи указанных понятий имеется собственное слово *куатаськись* (сев. *кӱатас'кыс'*, *кӱатас'кӱс'*), и поэтому семантическое развитие заимствованной лексемы протекало в другом направлении. Таким образом, исследуемое слово может быть поздним проникновением из языка чувашей, некогда обитавших на Чепце [4, 107–109].

5. Укълтэм.

Территориальное распространение и варианты слова. Употребляется в абсолютном большинстве срединных говоров, в верхнечепецком диалекте северного наречия (54, 55, 59–65) и в некоторых говорах южного наречия (110–118, 138–142). Форма с заднерядным вариантом *ы* зафиксирована в оп. 128 (Карамас-Пельга). На юго-западе Удмуртии функционируют варианты с неслоговым *ӱ* – *укълӱтэм* (102, 103, 106–109, 111, 112, 116, 118) и *укулӱтэм* (110). Для шошминского говора периферийно-южного диалекта (138–141) характерна форма *укулӱтэм*, а в соседствующем с названным говором оп. Лельвиж (142) функционирует модификация *укълӱтэм*.

Происхождение. В данном слове структурно можно выделить основу *укъл-* и каритивный суффикс *-тэм*. Основа, вероятно, восходит к болгарскому языку. Для сравнения можно привести чувашское слово *хакӓл*: *ӓс-хакӓл* 'ум, разум, рассудок; интеллект'; 'внутренний склад, нравственный облик; духовный мир'; элемент *ӓс* имеет аналогичное значение [16, 54–55]. Источником происхождения компонента *хакӓл*, как и его соответствий в других тюркских языках, является арабский язык [15, т.1, 90]. В некоторых говорах периферийно-южного диалекта, например, в красноуфимском и бавлинском, имеется слово *акыл* (*акӱл*) 'ум, разум, рассудок', проникшее из татарского языка, в котором оно, как и в чувашском, восходит к арабскому источнику [1, 73].

Поскольку соответствие удмуртского слова чувашскому в фонетическом отношении является незакономерным (следовало бы ожидать удм. **какыл-*), предлагаем также альтернативную этимологию, которую может представлять вариант исконного происхождения от основы *укыл*, ср. сев. *укыл*, *укул* (< *уг кул*) ‘не надо’ + каритивный суффикс *-тэм*, т. е. изначально – ‘ненужный, негодный’. Вполне вероятно также, что мы имеем дело с булгаризмом, фонетический облик которого изменился под влиянием приведенного выше слова.

6. Кылыктэм.

Территориальное распространение. Встречается на северо-востоке Удмуртской Республики – в восточной части Базинского района (32, 34) и в Кезском районе (38–44). В последнем от некоторых информантов зафиксирован вариант *кылыттэм*.

Происхождение. Корень слова *кылык-*, как и глаг. *кълък*: *кълъкъз ѓвѓл* ‘несдержанный, неуживчивый, скандальный’, пу. *кылык*, *кълък* ‘характер, нрав’, восходит к татарскому *хольк* ‘характер, натура, нрав, норы’; ‘повадки, наклонности, поведение, манеры’; исследуемое слово может представлять собой полукальку татарского *хольксыз* ‘с плохим (дурным, тяжелым, скверным) характером, нравом; несдержанный, неуравновешенный, неуживчивый, сварливый, скандальный’; ‘своевольный, вздорный, капризный’ [12, т. 2, 536]. Отметим, что в средневожточном диалекте для обозначения бестактного человека имеется слово *кылыктэм*, которое является результатом не только фонетико-морфологической адаптации указанного татарского слова, но и народной этимологии – *кыл+лык* ‘словарный запас, манера говорения, общения’+*-тэм* ‘без’, т. е. ‘без (хорошего) словарного запаса’. В лексикографических источниках [14, 373] можно найти также форму *кылыксыз* диал. ‘своенравный, непослушный’, являющуюся поздним заимствованием и претерпевшую лишь фонетическую адаптацию. Необходимо сказать, что татарское происхождение удмуртских слов *кылык*, *кылыктэм*, *кылыксыз* констатировал еще И. В. Тараканов [11, 93].

7. Йырин'чи. Лексема зафиксирована в сурвайско-поломском говоре средне-западного диалекта (10, 11, Унинский район Кировской обл.). Родственна глаголу *йыринтыны* ‘пытаться (стараться, стремиться) делать что-л.; заниматься чем-л.’; ‘делать медленно, возиться’; диал. ‘буйствовать; баловаться; бездельничать’ [14, 267]. Слово образовано от глагольной основы *йырин-* с помощью суффикса *-чи*, первоначально означало ‘тот, кто что-то делает, вытворяет, балуется’.

8. Йѓнтэм. Настоящее слово как обозначение шалуна записано только в оп. Большие Сибы (118) на юге Удмуртии. Оно имеет довольно широкое распространение, но с иными значениями – ‘бесшабашный; бестолковый; глупый; пошлый’ и др. Относятся к татарским заимствованиям [11, 67].

9. Шайан.

Территориальное распространение и варианты слова. Данное слово употребляется в южной группе срединных говоров (66–71, 73, 89, 90, 92, 93, 95, 96, 98, 103–105, 123) и центрально-южном диалекте (113, 119, 124, 126, 127, 129–137, 149), в форме *ша^ойан* также зафиксировано в ташкичинском говоре периферийно-южного диалекта (172).

Наличие в письменных источниках: *šajan* ‘непослушный’ МУ (1892, 1896) [18, 242]; *шайан* ‘шалун, шутник, весельчак, балагур’ [10, 67].

Происхождение. Является татарским заимствованием [18, 242], [10, 67], [11, 147].

10. Тэл'и.

Территориальное распространение и варианты слова. Употребляется в периферийно-южном диалекте – в кукморском (143–145), шагиртско-гондырском (153, 155), буйско-таньпском (156–159, 162–166, 168, 170, 171), татышлинском (154, 160, 161, 169), ташкичинском (167, 172) и канлинском (173) говорах. Вариант *кэл'и* зафиксирован в оп. Большой Гондырь (155) Куединского района Пермского края.

Происхождение. Является татарским заимствованием, ср. тат. *тиле* ‘глупый, безумный’; ‘порывистый, шальной...’; ‘глупый, неразумный; легкомысленный (о мыслях и поступках)’ [12, т. 2, 374].

11. Шьксъз. Лексема зафиксирована в оп. Пойкино (146) Кукморского района Республики Татарстан. Как и предыдущее слово, восходит к татарскому языку, ср. тат. *шыксыз* ‘некрасивый, невзрачный, неказистый; неприятный на вид, неприглядный, безобразный, глупый...’ [12, т. 2, 640].

Понятие «шалун» вступает в синонимические отношения с близкими и смежными понятиями. В русском языке синонимический ряд лексемы *шалун* состоит из следующих слов: *балбес, озорник, проказник, сорванец, сорвиголова, шалопай*. Подобная картина наблюдается и в удмуртском языке: в одном и том же ареале исследуемое понятие может выражаться несколькими словами, при этом далеко не тождественными друг другу. Как уже было сказано выше, в среднечепецком диалекте понятие «шалун» передается словом *шёрччи (шёрччь)*, которое одновременно близко понятиям «сорванец», «сорвиголова», «бойкий» и в целом имеет положительную эмоциональную окраску. В то же время у слова *н'уштэм* проявляется отрицательная эмоциональная окраска, недаром в отношении взрослых оно применяется в значении ‘невыдержанный, ведущий себя вызывающе’. Такое положение дел нашло отражение и на карте, где в одном и том же опорном пункте может быть несколько знаков. Вместе с тем многие ответы, полученные от информантов как слова, передающие исследуемое понятие, не были картографированы, поскольку на самом деле они имеют иное содержание. Ниже мы приведем список таких слов, указывая значения, взятые из последнего удмуртско-русского словаря [14]:

кълкъс'тэм (28), лит. *кълзисъкисътэм* ‘непослушный’;

йърпэчка (48), лит. *ерпечка* ‘непоседа, юла, егоза || непоседливый, шустрый, вертлявый’;

мотат'тис' (42), *мот* диал. ‘шутник, баловник, шалун’;

йыртэмас' (66, 67), лит. *йыртэмась* ‘озорник, баловник, проказник’; ‘вор’;

виз'тэмйас'кыс' (84), ‘любящий дурачиться, придуриваться; придурок’, лит. *визьтэмъяськыны* ‘дурачиться, валять дурака, дурить; непристойно вести себя, безумствовать’; ‘выражаться непристойными словами; сквернословить’;

йэтис (92), лит. *етис* ‘ловкий, находчивый, бойкий, изворотливый’; ‘способный, развитый, умный’; ‘приткий’;

кўал'тра (102, 104, 105), лит. *куальтра* ‘вульгарно, непристойно || вульгарный, непристойный’; перен. ‘болтун, говорун, пустомеля’;

шоккэс (116), диал. *шоккес, шоккетись* ‘хвастливый || хвастун’;

йөнтэм (118) ‘бесшабашный || бесшабашно’;

ал'ак (123), лит. *аляк* ‘надоедливый, назойливый’; диал. ‘неспокойно || беспокойный’.

Резюме. Настоящее исследование было направлено в первую очередь на определение и описание ареалов слов. Кроме того, особое внимание было уделено этимологии. Лексемы *кылыктэм*, *йӧнтэм*, *шайан* еще ранее определены как татарские заимствования. Происхождение слов *тэл'и* и *шьксьз* хотя и не было до сих пор раскрыто, но их источник легко можно определить, заглянув в словари татарского языка. Не легкой задачей было определение происхождения слова *у kylтэм*, которое с определенной долей сомнения нами было отнесено к болгаризмам, и лексемы *шӧрччи*, являющейся, по-видимому, поздним чувашским проникновением. Слово *н'уштэм*, как это было уже сказано выше, мы склонны считать коми-пермяцким заимствованием. Происхождение собственно удмуртских слов *л'акыттэм* и *йырин'чи* также являлось загадкой – пусть и не столь трудной, и в настоящем исследовании для них мы тоже дали разгадку.

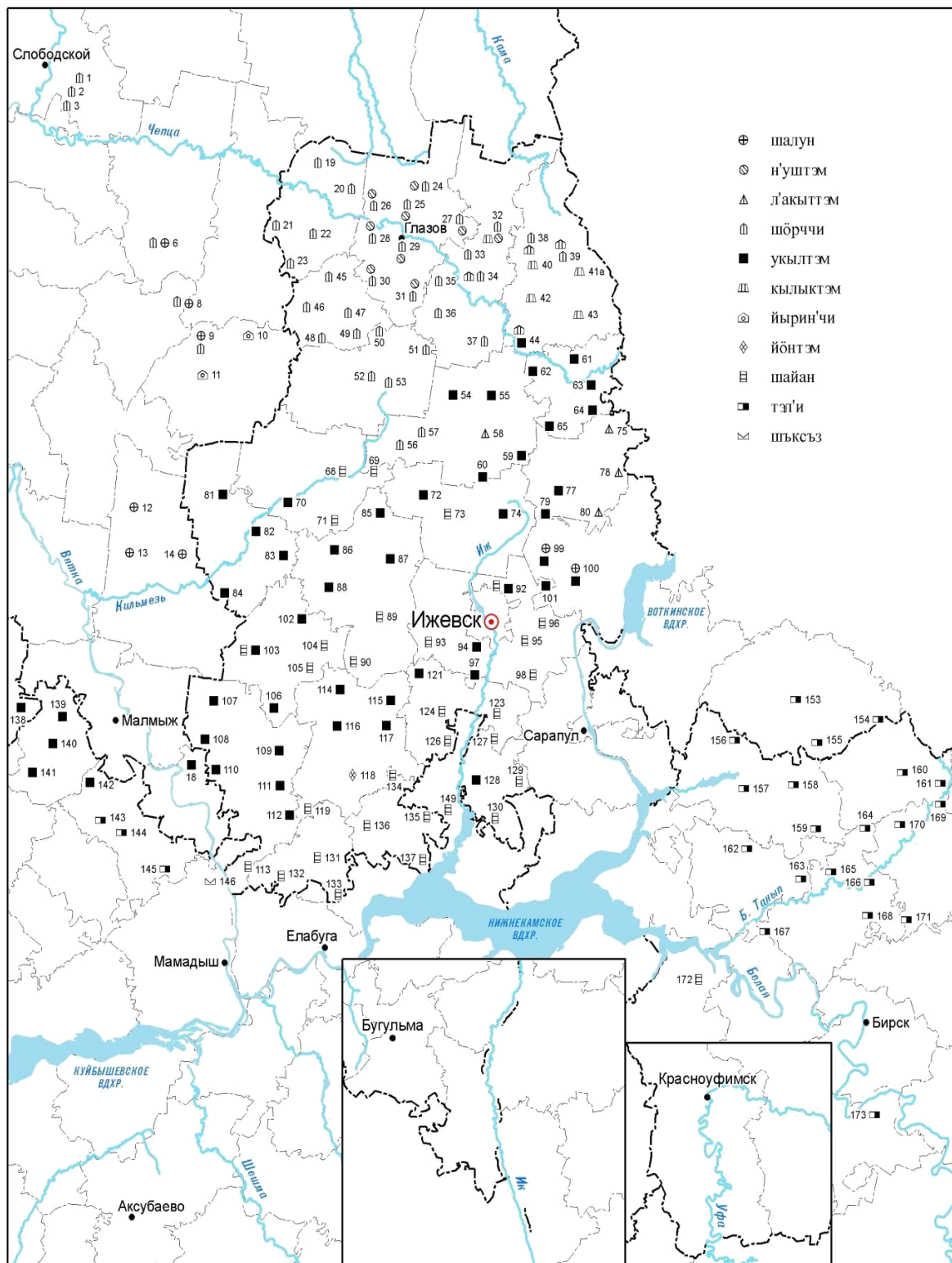
Проведенное исследование дает возможность реконструировать историю возникновения слов для выражения понятия «шалун» в удмуртском языке.

С большой долей вероятности можно утверждать, что наиболее древним словом в данном ряду является лексема исконного происхождения *л'акыттэм*, хотя в территориальном отношении в настоящее время она занимает довольно скромное место. Указанная лексема, скорее всего, изначально не только выполняла названную функцию, но и выражала другие понятия, обладая широким семантическим содержанием и включая даже такую сему, как 'слишком, чрезвычайно', имеющуюся ныне в среднечепецком диалекте. Подобная ситуация создала возможность для легкого проникновения в данную лексическую подсистему иноязычного материала.

Анализ ареалов каждой лексемы с учетом исторических условий позволяет сказать, что наиболее древним заимствованием, по-видимому, является болгаризм *у kylтэм*, у которого и поныне довольно большой ареал. Немного позднее проникло татарское заимствование *кылыктэм*, имеющее широкое распространение, но в значении «шалун» оно употребляется в основном на северо-востоке Удмуртии. Далее заимствуется татаризм *шайан*, распространенный в южной диалектной зоне. Примерно в тот же период проникает слово *йӧнтэм*, но с иными значениями (функция обозначения шалуна в отдельных населенных пунктах формируется гораздо позже).

Лексему *н'уштэм*, употребляемую в северном наречии, мы больше склонны относить не к общепермскому периоду, а к заимствованиям из близкородственного коми-пермяцкого языка. Загадочное слово *шӧрччи* находит соответствия в чувашском языке, но мы его не относим к болгаризмам (или древнечувашским заимствованиям), как это обычно принято делать в случае выявления удмуртско-чувашских параллелей, а к поздним чувашизмам. В северное наречие удмуртского языка оно могло попасть непосредственно из языка чувашского населения, некогда обитавшего в бассейне нижнего течения р. Чепцы, или через бесермян.

Наименование шалуна *йырин'чи*, употребляемое в одном из островных говоров Кировской области, выработано на собственно удмуртской почве в период обособленного развития. Слова *тэл'и* и *шьксьз*, функционирующие в периферийно-южном наречии, являются поздними татаризмами. Лексема *шалун* проникла в единичные говоры, испытывающие сильное русское влияние, скорее всего, лишь в последние десятилетия.

Условные сокращения:

глаз. – глазовский говор среднечепецкого диалекта (сев.); кп. – коми-пермяцкий язык; кя. – коми-язьвинское наречие; лет. – летский говор коми языка; оп. – опорный пункт; по. – периферийно-южный диалект; сев. – северное наречие; тат. – татарский язык; МУ – малмыжско-уржумский диалект

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алатырев, В. И.* Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б / В. И. Алатырев. – Ижевск : Науч.-исслед. ин-т при Сов. Министров УАССР, 1988. – 240 с.
2. *Ашмарин, Н. И.* Словарь чувашского языка : в 17 т. Т. 17 / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары, 2000. – 440 с.
3. *Борисов, Т. К.* Удмурт кыллюкам : ок. 15000 слов / Т. К. Борисов. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 1991. – 384 с.
4. *Диалектологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии / сост. Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семенов, Г. В. Отставнова.* – Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2009. – 260 с.
5. *Коми-пермяцко-русский словарь : ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман.* – М. : Рус. яз., 1985. – 624 с.
6. *Лыткин, В. И.* Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1961. – 228 с.
7. *Лыткин, В. И.* Исторический вокализм пермских языков / В. И. Лыткин. – М. : Наука, 1964. – 270 с.
8. *Лыткин, В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М. : Наука, 1970. – 386 с.
9. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ. яз., 1993. – 955 с.
10. *Тараканов, И. В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке: удмуртско-тюркские языковые контакты / И. В. Тараканов. – Ижевск : Удмуртия, 1982. – 188 с.
11. *Тараканов, И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи : теория и словарь / И. В. Тараканов. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. – 170 с.
12. *Татарско-русский словарь : в 2-х т.* – Казань : Магариф, 2007.
13. *Удмуртско-русский словарь : ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина.* – М. : ГИС, 1948. – 447 с.
14. *Удмуртско-русский словарь : ок. 50000 слов / сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин ; отв. ред. Л. Е. Кириллова.* – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 2008. – 925 с.
15. *Федотов, М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук., 1996.
16. *Чувашско-русский словарь : ок. 40000 слов / сост. И. А. Андреев, А. Е. Горшков, А. И. Иванов ; под ред. М. И. Скворцова.* – М. : Рус. яз., 1982. – 712 с.
17. *Genetz, A.* Ost-permische Sprachstudien // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – Helsingfors, 1897. – Bd. XV (1). – S. 1–57.
18. *Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann / bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen.* – Helsinki, 1987. – Bd. XXI–XXIII. – 422 S.